

УДК 327(470+571)“1870/1890“:
070.13

НАЦИОНАЛНИ ИНТЕРЕС
NATIONAL INTEREST

Година XIII, vol. 29

Оригинални
научни рад

Број 2/2017.
стр. 109-126

В. Ф. Блохин

*Брянский государственный универси-
тет им. академика И. Г. Петровского*

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
70 – 80-х гг. XIX в.
В ТРАКТОВКЕ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ
(ПРЕДМЕТЫ ОБСУЖДЕНИЯ)**

Аннотация

В статье на примере устраняемых цензурой из обсуждения в печати внешнеполитических вопросов, касавшихся европейской политики, статей, получивших цензурные взыскания за освещение различных проблем, связанных с межгосударственными отношениями, рассмотрены особенности формирования в стране мнения о деятельности Министерства иностранных дел, об отношениях России с различными государствами в 70-х–80-х гг. XIX в.

Ключевые слова: подходы к изучению российской внешней политики, цензура, цензурное законодательство, цензурные взыскания, периодическая печать, Министерство внутренних дел, Главное управление по делам печати, публицистика.

Современный подход к изучению истории внешней политики России основывается на комплексном исследовании, включающем в себя не только анализ межгосударственных отношений, но и особенности внутригосударственного развития, в рамках которого эта политика формируется. Отсюда вытекает необходимость учета различных аспектов

политического и общественного устройства страны, ее внутренних резервов в сфере развития промышленности, военного потенциала.

Особое место принадлежит вопросам, которые не лежат на поверхности и трудно воспроизводимы при помощи сохранившихся официальных документов. К ним можно отнести культурный уровень и национальное самосознание, политический менталитет правящих кругов и населения, социальные ценности и идеалы, господствовавшие на момент реализации политики в межгосударственной сфере и учитываемые при вынесении ключевых решений.

Помочь их изучению может российская и зарубежная периодическая печать, сохранившая на своих страницах не только конкретные факты прежней жизни, но и соответствующий реальной действительности взгляд на происходившие события, на систему аргументов современников по поводу тех или иных актуальных для того времени внешнеполитических проблем. Посредством функционировавших в определенном историческом пространстве газетно-журнальных текстов, выявления замысла авторов публицистических статей, открывается дополнительная возможность анализа общественных настроений, отражаемых и формируемых через прессу. Наконец, в условиях существования цензуры, контролировавшей периодические издания, через мотивацию наказаний, налагаемых на газеты и журналы, можно более детально воспроизвести внутренний механизм процесса формирования правительственной позиции в вопросах внешней политики.

В статье показаны причины введения нового административного наказания для периодических изданий при обсуждении ими внешнеполитических проблем России и примеры практики его реализации. Основой для решения поставленной задачи явился анализ специфики российского цензурного законодательства, содержание публикаций в российских периодических изданиях XIX в. Автором, помимо законодательных актов и архивных документов, были привлечены работы дореволюционных,¹ советских и рос-

1 К. К. Арсеньев, *Законодательство о печати. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем*, Санкт-Петербург, 1903. ; В. Я. Богучарский, *Из прошлого русского общества*, Санкт-Петербург, 1904. ; М. И. Венюков, „Цензу-

сийских исследователей,² содержащие подходы к изучению рассматриваемой проблемы. Главным образом, они касались содержания закона от 16 июня 1873 г., в соответствии с которым министр внутренних дел получил право изымать на неопределенный срок из обсуждения в печати темы, признанные правительством неудобными, а также содержания циркуляров, запрещавших касаться определенных вопросов.

Однако исследований, специально посвященных важной проблеме цензурного регулирования информации о внешнеполитической деятельности России, насчитывается немного, и касаются они, применительно ко второй половине XIX в., главным образом событий чрезвычайных, таких, например, как русско-турецкая война 1877–1878 гг.,³ Берлинский конгресс 1878 г.

В процессе написания статьи удалось выяснить, что взаимоотношения власти и периодической печати в России XIX в. отличались наличием противоречивых тенденций, многовариантности подходов к освещению внешнеполитических проблем, неоднозначности выносимых цензурных решений.

Высочайший именной указ 6 апреля, данный Сенату «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати», вступил в силу с 1 сентября 1865 г. Самым главным из предложенных нововведений являлось освобождение от предварительной цензуры на основании особого разрешения министра внутренних дел «в обеих столицах: 1) все выхо-

-
- ра“, в монографии: М. И. Венюков, *Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора, 1855–1878*, Прага, 1879, стр. 223–252. ; Вл. Розенберг, „В мире случайностей“, в монографии: *Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина*, Москва, Издание М. и С. Сабашниковых, 1905, стр. 118–158.
- 2 И. В. Оржеховский, *Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг.): лекции по спецкурсу*, Горький, 1973. ; Н. Г. Патрушева, И. П. Фут, „Циркуляры цензурного ведомства XIX– начала XX вв.“, в сборнике: *История книги и цензуры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма*, 29–30 мая 2012 г. (под редакцией М. В. Зеленова), Санкт-Петербург, 2013, стр. 123–130. ; В. Ф. Блохин, „Из истории цензурного реформаторства: государство и легальная печать России в политическом контексте (1865–1905 годы)“, *Вестник Челябинского государственного университета*, № 6/2009, стр. 34–44.
  - 3 В. Ф. Блохин, С. И. Косарев, „Российская периодическая печать о внешней политике Англии конца 1870-х гг.“, *Вестник Брянского государственного университета*, № 2/2014, стр. 26–31.

дящие донныне в свет повременные издания, коих издатели сами заявят на то желание; 2) все оригинальные сочинения объемом не менее 10-ти печатных листов, и 3) все переводы объемом не менее 20-ти печатных листов».⁴ Сюда же относились все правительственные издания, издания академий, университетов и ученых обществ, все переводы и оригинальные публикации «на древних классических языках», чертежи, планы и карты.

Во втором разделе закона были намечены основные формы воздействия на средства печати, допустившие цензурные нарушения: «Освобожденные от предварительной цензуры повременные и другие издания, сочинения и переводы, в случае нарушения в них законов, подвергаются судебному преследованию; повременные же издания, кроме того, в случае замеченного в них вредного направления, подлежат и действию административных взысканий, по особо установленным на то правилам».⁵

Таким образом, законом 1865 г. российской печати была предоставлена определенная свобода в обсуждении вопросов внешней политики и отчасти это было связано с тем, что западноевропейская печать, рассуждая о событиях как международных, так и непосредственно происходивших в России не деликатничала в своих оценках происходившего. В то же время, по словам известного публициста М. Н. Каткова, который был далек от стремления резко критиковать российское правительство, «закон, освободивший нашу печать от предварительной цензуры, не освободил ее от административной власти, которая в своих распоряжениях нисколько не стеснена определениями закона <...> ни в какой другой общественной среде административная власть не может действовать так сильно».⁶ Продолжая свои рассуждения, редактор «Московских ведомостей» отмечал: «Русский гражданин получил право под своей ответственностью говорить без спроса; но он находится в ответе не перед одним законом, а также перед личным усмотрением той самой служебной власти, в

4 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е., Т. 40 (1865), ч. 1. № 41988, Санкт-Петербург, стр. 396.

5 Там же

6 М. Н. Катков, *О печати*, Печатня А.И. Снегиревой, Москва, 1905, стр. 32.

руках которой находится цензура. Цензура осталась, только из предварительной она стала карательной».⁷

Вопросы внешней политики, обсуждавшиеся в печати на основании закона 6 апреля 1865 г., были переданы исключительной компетенции органов внутренней цензуры, а, следовательно, ведению Министерства внутренних дел, при котором было учреждено Главное управление по делам печати. От него исходили выдаваемые периодическим изданиям предостережения, от этого министерства зависела приостановка и даже прекращение издания в определённых случаях газет и журналов, от него же направлялись требования о возбуждении судебных преследований «за проступки печати». Формально помимо Главного управления по делам печати никакое не только просто должностное, но и высшее правительственное лицо не могло обратиться к редакции периодического издания с требованием напечатать какое-либо официальное сообщение.

Министерство иностранных дел при этом не должно было брать на себя ответственность за мнения и взгляды того или другого автора или периодического издания. Требования от иностранных представительств высказываться российской печати более почтительно по тем или иным вопросам наталкивались на суждение, изложенное на страницах «Московских ведомостей»: «К иностранным же правительствам частные лица никакого отношения иметь не должны, и ничем пред ними не обязаны».⁸

Европейские дипломаты были убеждены в том, что поскольку в России нет конституции и политических свобод, а администрация обладает неограниченными правами, то и заявления печати в сфере внешнеполитических проблем исходят от самой власти. Однако при всей верности изначальных оценок состояния дел в области политических свобод в стране, иностранцы не учитывали специфики российского цензурного законодательства, состоявшей в том, что в случаях особой необходимости из области печатной полемики Главным управлением по делам печати не направлялись в нужное русло суждения прессы, а вовсе устранялись пред-

7 Там же, стр. 34.

8 „Независимость печати (наша конституция и наши политические обязанности)“, *Московские ведомости*, № 341/1886, 9 декабря, Москва

меты, которые в тех или иных условиях не должны были подлежать гласности.

В то же время контроль за высказываниями в сфере международных отношений постоянно усиливался, поскольку несвоевременные разоблачения в газетах и журналах тех или иных вопросов внешней политики могли бы при определенных условиях сказываться на деятельности Министерства иностранных дел.

Уже вскоре после 1 сентября 1865 г., когда начал действовать новый закон о печати, в заметке в газете Министерства внутренних дел «Северная почта» № 227 были высказаны суждения, которые должны были стать руководством для органов периодической печати: «Некоторые из наших газет в статьях, относящихся до вопросов иностранной политики или до заграничных событий, не обращают внимания на необходимость отзываться в выражениях, соответствующих достоинству предмета и общепринятым формам обсуждения подобных вопросов, о действиях иностранных правительств, с которыми Россия находится в мирных и дружественных отношениях. Одна из упомянутых газет недавно вышла на этом пути из всех пределов приличий. Такое нарушение этих приличий допускаемо быть не может».⁹

В 1873 г. особое мнение Государственного совета, во многом относящееся к освещению проблем внешней политики России было утверждено 16 июня императором. На специальном заседании рассматривалось представление министра внутренних дел о наказании периодических изданий, освобожденных от предварительной цензуры, за оглашение вопросов, не подлежащих в течение определенного времени публикации.

Министр внутренних дел генерал-адъютант А. Е. Тимашев настаивал на том, что в существовавших на тот момент «законоположениях о печати не предвидены случаи, когда по высшим правительственным соображениям, представляется необходимым, чтобы периодическая печать в течение некоторого времени не касалась какого-либо вопроса внешней или внутренней политики, гласное обсуждение которого

9 Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати, Типография Ретгера и Шнейдера, Санкт-Петербург, 1878, стр. 88.

могло бы быть сопряжено со вредом для государства».¹⁰ Отмечалось, что подобные случаи встречались довольно часто, и из-за отсутствия специальной поддержки со стороны законодательства приходилось «испрашивать каждый раз особые по этому предмету Высочайшие повеления».¹¹

В итоге Государственный совет признал необходимым восполнить этот пробел, определив в особом постановлении «порядок извещения редакторов периодических изданий о неоглашении того или другого вопроса государственной важности». В решении Государственного совета подчеркивалось, что данное постановление несколько не стесняет пределы, в которых до этого времени предоставлялось печати обсуждать политические и общественные вопросы. Предполагалось, что это решение будет применяться лишь в обстоятельствах чрезвычайно редких. Взыскание за неисполнение этого правила относится к совершенно исключительным случаям, «когда одно чувство долга и нравственной ответственности не удержит от опасной по своим последствиям нескромности».¹² Утверждалось также, что предлагаемая мера не будет отступлением от закона 1865 г.

Принятое постановление звучало так: «Если по соображениям высшего правительства найдено будет неудобным оглашение или обсуждение в печати, в течение некоторого времени, какого-либо вопроса государственной важности; то редакторы изъятых от предварительной цензуры повременных изданий поставляются о том в известность чрез Главное управление по делам печати, по распоряжению министра внутренних дел. За неисполнение редактором такого распоряжения, впредь до отмены оно в том же порядке, министру внутренних дел предоставляется приостановить выпуск в свет издания на срок не свыше трех месяцев».¹³

Принятое постановление вошло в цензурный устав в виде статьи 140, которая стала удобной формой устранения возможности вмешательства в деятельность Главного управления по делам печати со стороны представителей иностран-

10 Там же, стр. 62.

11 Там же.

12 *Полное собрание законов Российской империи*. Собр. 2-е., 1830–1884, т. 48 (1873), ч. 1. № 52395, Санкт-Петербург, стр. 859.

13 Там же, стр. 860.

ных государств. Однако очень скоро эта статья «по точному смыслу своему оправдывающая издание только временных мер, послужила основанием для появления постоянных, неотмененных, не отменяемых и едва ли подлежащих отмене правил в руководство печати, другими словами основанием для новых законов о печати, отчасти в дополнение, отчасти в отмену ныне действующего цензурного устава».¹⁴

Применительно к вопросам внешней политики на основании статьи 140 появилось два ключевых положения: «Рассмотрение и пропуск к печати статей и известий политического содержания лежит на полной обязанности общей цензуры во всех изданиях, подлежащих рассмотрению оной, без всякого участия и ответственности за них Министерства Иностранных Дел» и «в отношении к статьям и известиям политическим наблюдается общее правило об охране чести и домашней жизни царствующих иностранных Государей и членов их семейств от оскорблений печатным словом по соблюдении приличия при изложении действий иностранных правительств».¹⁵

Наряду с цензурным уставом, а иногда даже вопреки ему, действовало значительное число распоряжений-циркуляров, касавшихся самых различных сторон внутренней и внешней политики российского государства. Редакции газет и журналов должны были им неукоснительно следовать, но из-за их значительного количества, неопределенности действия, поскольку большинство из них теряли свою актуальность, чаще всего или пренебрегали ими, или о них просто забывали.

Автор статей по проблемам политической жизни России В. В. Водовозов так описывал процесс ознакомления с новыми циркулярами: «В редакцию полицейский приносит предписание Главного управления по делам печати, в котором оно извещает, что министр внутренних дел постановил на основании ст. 140 Цензурного устава изъять из ведения печати такой-то вопрос, дает почитать это предписание, отбирает от редактора или издателя подписку в том, что цир-

14 Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года, Санкт-Петербург, 1900, стр. 12.

15 Там же, стр. 20.

куляр за № таким-то ему объявлен, и немедленно прячет его в свой портфель».¹⁶

Начиная с 1873 г. распоряжения в области внешней политики касались самых разных аспектов, среди которых можно встретить запреты на публикацию материалов, посвященных отношению к папскому престолу (1878 г.), о возвращении части Бессарабии (1878 г.), о тройственном союзе и, особенно, об Австро-Венгрии (1878 г.), о тройственном союзе Австро-Венгрии, Англии и Македонии (1878 г.), о предстоящем выборе болгарского князя (1879 г.), об укреплениях на западной границе России (1880 г.), вообще о Германии и Австро-Венгрии (1880 г.), об Ахал-Текинской экспедиции (1880 г.), о сосредоточении русских сил на китайских границах (1880 г.), о перевороте в Болгарии (1881 г.), о народном движении на Балканском полуострове (1882 г.), о назначении пенсии сербским добровольцам (1882 г.), об организации охраны Китайской Восточной дороги (1897 и 1899 г.).

Главное управление по делам печати было убеждено в том, что именно через систему запретов на освещение неудобных вопросов внешней политики представлялась возможность добиться необходимой дисциплины печати в этой рискованной для обсуждения сфере. Однако для установления твердого порядка необходимы были точность, определенность и срочность распоряжений, а на практике устаревшие циркуляры, быстро утратившие свою оперативность и актуальность, приобретали характер административного произвола и неоправданного ограничения печати. В итоге, в 1873–1905 гг. за нарушение 140 статьи цензурного устава издания были приостановлены 28 раз, из них 5 раз на максимальный срок в 3 месяца. Впрочем, следует отметить, что международной тематике на страницах не только частных газет, но и губернских ведомостей уделялось значительное место. Так, например, в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» количество сообщений в 1882–1883 гг. касалось положения Турции и Египта во время англо-египетской войны – 261, далее следовали телеграммы из Франции (246), Великобритании (152), Австрии (132), Германии.¹⁷

16 В. В. Водовозов, *Материалы для характеристики положения русской печати*, Женева, 1898, стр. 17.

17 В. В. Шевцов, „Международная тематика на страницах сибирских официальных газет (вторая половина XIX – начало XX в.)“, в сборнике:

В рамках данной небольшой статьи в качестве иллюстрации обратимся к эпизоду, произошедшему в конце ноября 1885 г. Речь идет о протесте против цензурного взыскания в отношении московской газеты «Русь», являвшейся практически личным печатным органом известного писателя и публициста славянофильского толка, председателя Славянского комитета в 1875–1878 гг. Ивана Сергеевича Аксакова. Издание было основано в ноябре 1880 г. и до 1885 г. не имело цензурных взысканий, хотя в прошлом ее издатель был даже лишен на 12 лет права издательской деятельности, а его газета «Москва» за неполных два года существования в 1867–1868 г. была подвержена трем приостановкам. Появление «Руси» было связано со смягчением цензуры при М.Т. Лорис-Меликове,¹⁸ а ее первое предостережение было получено за передовую статью, посвященную внешней политике России.

В распоряжении министра внутренних дел Д.А. Толстого от 26 ноября 1885 г. было заявлено: «Принимая в соображение, что газета «Русь» обсуждает текущие события тоном несовместимым с истинным патриотизмом и стремиться возбудить неуважение к правительству.¹⁹

Статья была посвящена так называемому «болгарскому вопросу», который вызвал с начала 1880-х гг. наибольшее число запрещающих циркуляров Министерства внутренних дел и Главного управления по делам печати: 29 апреля 1880 г. за № 1725 (о болгарских делах); 9 мая 1881 г. за № 1897 (о перевороте в Болгарии); 27 января 1882 г. за № 474 (о народном движении на Балканском полуострове); 4 сентября 1882 г. за № 3931 (о болгарских делах). Объединение в сентябре 1885 г. Княжества Болгарии и Восточной Румелии, порожденных решениями Берлинского договора 1878 г., спровоцировало Болгарский кризис (1885–1887 г.) и вызвало сербско-болгарскую войну (1885 г.). Правительство России отказалось при-

---

Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте: Материалы Международной научно-практической конференции, 15–17 октября 2014 г. (отв. ред. О. И. Лепилкина, С. В. Серебрякова), Издательство СКФУ, Ставрополь, 2014, стр. 221.

18 Д. А. Бадалян, „Газета И.С. Аксакова «Русь» и цензура“, *Русская литература*, № 1/2006, стр. 98–99.

19 Российский государственный исторический архив, Ф. 776, Оп. 1, Д. 21, Л. 29

знать образованное новое государство, хотя и на Берлинском конгрессе, и позднее не возражало против болгарского единства.

Статья И. С. Аксакова была посвящена этим событиям. Начинаясь она с приказа Александра III, вызванного сообщениями об успешных действиях русских офицеров, «которым вверено было формирование, воспитание и обучение войск Болгарии и Восточной Румелии».²⁰ И. С. Аксаков сокрушался по поводу того, что поводом к воинским болгарским подвигам послужила братоубийственная война, вызванная правительством Сербии по вине Австрии. Здесь же содержался намек на особые отношения, сложившиеся между болгарским князем Александром Баттенбергом и российским императором, которые и послужили причиной сдержанной позиции российского Министерства иностранных дел: «Нельзя не жалеть и том, что положение, в которое поставил себя лично князь Александр по отношению к России, помешало воздать публично и ему заслуженную похвалу, как храброму и талантливому военачальнику...».²¹

Российское правительство преследовало в Болгарии свои цели, рассматривая ее как своеобразный плацдарм на Балканах и, по мнению И. С. Аксакова, после Высочайшего одобрения совместных действий болгарских и румельских войск, незаконных с точки зрения Берлинского трактата и российской дипломатии, всё ещё сохранялась угроза разъединения этих войск вновь и «по прихоти властителей Румелии и Княжества Болгарского станет, пожалуй, возможным и вполне легальным повести румельских и болгарских солдат в бой друг против друга?». (так в тексте. – Е.А.)».²²

В статье И. С. Аксакова была затронута и еще одна тема, обсуждение которой, вслед за «болгарской» циркулярно запрещалось Главным управлением по делам печати: 31 октября 1878 г. за № 5764 (О тройственном союзе и особенно Австро-Венгрии); 4 ноября 1878 г. за № 5837 (о тройственном союзе Австро-Венгрии, Англии и Македонии); 18 января 1880 г. за № 255 (о Германии и Австро-Венгрии). За давностью лет

20 Рувь, № 21/1885, 23 ноября, Москва

21 Там же

22 Там же

со времени появления последнего запрета проблема отношений России, Германии и Австро-Венгрии не утратили своей актуальности, о чем И. С. Аксакову, несомненно, было известно. Однако он высказался с резкой критикой в адрес российской дипломатии по поводу выработки ею системы отношений со странами-союзницами: «Полагаем, что, наконец, наша дипломатия начинает прозревать или по крайней мере примечать, что она кругом обойдена и обманута, что дав себя добровольно связать по рукам и ногам Трех-Державным Союзом, она слишком уж простосердечно обольщалась мечтою, будто ведет за руки Германию и Австрию, когда не она вела, а ее вели, да и завели в болото, – сами же друзья остались на твердой почве, предоставляя увязнувшей России умиляться «единодушием!»²³ «Сердитое бессилие» – характеристика, данная публицистом результатам действий российской дипломатии. Однако это была не самая жесткая из оценок, предназначавшихся Министерству внутренних дел и его руководителю Н. К. Гирсу, обвинявшихся в «недальновидности», «закоренелом легкомыслии», «грубой наивности», солидном невежестве», «варварской робости перед авторитетом «европейской культуры и цивилизации» в лице западных государств». По мнению И. С. Аксакова, «Россия перенесла болгарский вопрос на суд Европы и отказалась от своего исключительного властного положения в Болгарии, приобретенного ценою русских побед и жертв».²⁴

Писатель высказал свои соображения и по поводу будущих возможных действий государства, направленных на исправление сложившейся ситуации. Он сам задавался вопросом: «Что же нам-то делать?» и предлагал признать «лживость всего нашего политического пути с Берлинского Конгресса <...> затем заявить Австрии и Сербии вполне серьезно, что Россия не потерпит ни новой войны между Сербией и Болгарией, ни какого-либо вознаграждения Сербии из болгарской территории, ни вступления хотя бы одного австрийского солдата и по какому бы то ни было поводу в пределы Сербского государства...»²⁵

23 Там же

24 Там же

25 Там же

При обсуждении содержания статьи на Совете, начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов обвинил газету «Русь» во вредном направлении, а ее редактора в предвзятом отношении к российской дипломатии.²⁶ Общее решение членов Совета о вынесении первого предостережения изданию было доведено 26 ноября министром внутренних дел до Александра III, который наложил на представленный доклад свою резолюцию: «Действительно, он уж слишком зашел далеко, и ему поделом».²⁷

Однако история на этом не закончилась, поскольку И. С. Аксакова потрясла формулировка распоряжения министра внутренних дел. Впрочем, слова документа «тоном, несовместимым с истинным патриотизмом», ставившие под сомнение репутацию писателя, долгие годы позиционирующего себя «истинным патриотом», вероятнее всего, на это и были рассчитаны. Газета выходила раз в неделю по субботам и следующий номер после взыскания появился 30 ноября. В нем был помещен текст предостережения, а в № 23 от 6 декабря была напечатана очередная передовая статья, вновь посвященная проблемам, за которые последовало цензурное наказание.

На первом месте было объяснение, связанное с обвинением газете «Русь» в «недостатке «истинного патриотизма». И.С. Аксаков обвинял Министерство внутренних дел в том, что оно «есть по преимуществу министерство государственной полиции и обязано ведать литературу лишь с точки зрения полицейской».²⁸ Редактор газеты справедливо заявлял, что в перечне провинностей печати, которые могут служить поводом Главному управлению по делам печати для принятия решения о взыскании «нет ни слова, ни даже намека» «ни о «патриотизме» вообще, ни в частности о «патриотизме истинном».²⁹ Далее автор статьи, рассуждая о критериях «истинного патриотизма», утверждал, что для публициста он заключается в том, чтобы «мужественно, по крайнему разумению, высказывать правительству правду – как бы она горька и жестка ни была, а для правительства – в том,

26 Российский государственный исторический архив, Ф. 776, Оп. 2, Д. 24, Л. 136–136 об.

27 Российский государственный исторический архив, Ф. 776, Оп. 1. Д. 21. Л. 26

28 *Русь*, № 23/1885, 6 декабря, Москва

29 Там же

чтобы выслушивать даже и горькую, жесткую правду».³⁰ «Ошибочным патриотизмом» И.С. Аксаков называл действия российского правительства, связанные с передачей Выборгского округа Финляндии, с попыткой присоединить девять российских губерний к Царству Польскому, с «поплячением Белоруссии», с подписанием Берлинского трактата. В «односторонности патриотизма» автором обвинялись «высшие общественные классы», у которых русский язык не пользовался «полными правами гражданства» в «житейском обиходе». Наконец, утверждалось, что цензурные гонения зачастую предпринимались в отношении печатных органов «за те самые мнения и воззрения, которые через несколько лет усваивало себе само правительство».³¹ И. С. Аксаков далее пророчествовал: «Веруем упорно, что и та точка зрения, на которой стоим мы теперь при обсуждении настоящих политических событий и русской дружбы с Австрией и Германией, которая, слишком ярко освещенная нами, навлекла на нас обвинение в недостатке «истинного патриотизма» и на которой не стоит пока теперь наша дипломатия – подвергнется когда-нибудь той же участи...»³²

Практически одновременно с протестной статьей И. С. Аксаковым было написано письмо Александру III, в котором он признавал резкость своих высказываний в статье, получившей цензурное взыскание, но объяснял это тем, что политика Министерства иностранных дел не отвечает действительным национальным интересам России.³³ Ответ был передан через министра внутренних дел: «Государь Император, получив письмо ваше, изволили поручить мне благодарить вас за это письмо, и передать вам, что Его Величество вполне уверены в ваших патриотических чувствах, но советуют вам быть осторожнее в изложении ваших мыслей печатно».³⁴

Сохранилось еще одно письмо, которое свидетельствует о развитии событий вокруг новой статьи в газете «Русь».

30 Там же

31 Там же

32 Там же

33 Российский государственный исторический архив, Ф. 776, Оп. 20, Д. 312, Л. 15

34 Д. А. Бадалян, „Газета И.С. Аксакова «Русь» и цензура“, *Русская литература*, № 1/2006, стр. 110.

Написано оно было 7 декабря обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову: «Я прочел статью [И. С.] Аксакова и продолжаю держаться того мнения, что всего лучше пропустить ее спокойно и не давать за нее предостережения. Сейчас Д. Ф. Тютчева прислала мне письмо к ней Аксакова. Он между прочим пишет, что если будет новое предостережение, то он закроет газету. Анна Ф. [Аксакова] советовала ему сделать это после первого; но он непременно хотел на него ответить».³⁵

Мнение К. П. Победоносцева было поддержано начальником Главного управления, вероятно, не случайно в письме была сделана ссылка на жену Аксакова – А. Ф. и ее сестру, Д. Ф. Тютчеву – пользовавшихся влиянием при дворе фрейлин. У самого К. П. Победоносцева также были вполне доверительные отношения с И. С. Аксаковым, он состоял с ним в переписке, обращался в письмах как к другу. В целом же газета «Русь», отражавшая позицию ее редактора-издателя, вполне устраивала правительственные структуры, поскольку она выступала активным оппонентом демократического направления в российской печати. Однако история все же имела трагический конец: всего лишь спустя месяц, 27 января 1886 г., И.С. Аксаков скончался от сердечного приступа, а вскоре была закрыта и его газета.

Таким образом, при освещении тех или иных вопросов внешней политики редакторам периодических изданий необходимо было учитывать то обстоятельство, что наряду с цензурным уставом, а чаще даже независимо от него, существовала целая система распоряжений, имеющих на практике значение действующего законодательства. Положение газет и журналов осложнялось еще тем, что в большинстве случаев они черпали материал для своих внешнеполитических статей из иностранной печати, периодически вступая в полемику с заграничными изданиями, постоянно рискуя нарушить то или иное предписание.

Неопределенность в цензурной практике, колебания в действиях Главного управления по делам печати были вызваны особым положением тех или иных средств печати, по-

35 Б. Горев, И. Айзеншток, „Письма К.П. Победоносцева к Е.М. Феоктистову“, *Литературное наследство*, кн. 22–24. Москва, 1935, стр. 520–521.

литическим статусом их издателей и даже их близостью ко двору императора, как это было в истории с И. С. Аксаковым. Все циркулярные распоряжения, изданные министром внутренних дел на основании 140 статьи, были отменены Высочайшим манифестом только 17 октября 1905 г.

Литература и источники

- Арсеньев К.К., *Законодательство о печати. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем*, Санкт-Петербург, 1903.
- Бадалян Д. А., „Газета И.С. Аксакова «Русь» и цензура“, *Русская литература*, № 1/2006, стр. 94–114.
- Блохин, В. Ф., „Из истории цензурного реформаторства: государство и легальная печать России в политическом контексте (1865–1905 годы)“, *Вестник Челябинского государственного университета*, № 6/2009, стр. 34–44.
- Блохин, В. Ф., Косарев, С. И., „Российская периодическая печать о внешней политике Англии конца 1870-х гг.“, *Вестник Брянского государственного университета*, № 2/2014, стр. 26–31.
- Богучарский В.Я., *Из прошлого русского общества*, Санкт-Петербург, 1904.
- Венюков М.И., „Цензура“, в монографии: Венюков М.И., *Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878.*, Прага, 1879, стр. 223–252.
- Водовозов В. В., *Материалы для характеристики положения русской печати*, Женева, 1898.
- Горев, Б., Айзеншток, И., „Письма К.П. Победоносцева к Е.М. Феоктистову“, *Литературное наследство*, кн. 22–24. Москва, 1935, стр. 497–561.
- Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года, Санкт-Петербург, 1900.
- „Независимость печати (наша конституция и наши политические обязанности)“, *Московские ведомости*, № 341/1886, 9 декабря, Москва
- Оржеховский И. В., *Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг.): лекции по спецкурсу*, Горький, 1973.
- Патрушева Н. Г., Фут, И. П., „Циркуляры цензурного ведомства XIX– начала XX вв.“, в сборнике: *История книги и цен-*

зурь: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма, 29–30 мая 2012 г. (под редакцией М. В. Зеленова), Санкт-Петербург, 2013, стр. 123–130.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е., Т. 40 (1865), ч. 1. № 41988, Санкт-Петербург

Розенберг Вл., „В мире случайностей“, в монографии: *Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина*, Москва, Издание М. и С. Сабашниковых, 1905, стр. 118–158.

Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати, Типография Ретгера и Шнейдера, Санкт-Петербург, 1878.

Российский государственный исторический архив, Ф. 776, Оп. 1, Д. 21, Л. 29

Российский государственный исторический архив, Ф. 776, Оп. 2, Д. 24, Л. 136–136 об.

Российский государственный исторический архив, Ф. 776, Оп. 20, Д. 312, Л. 15

Русь, № 21/1885, 23 ноября, Москва

Русь, № 23/1885, 6 декабря, Москва

Шевцов В. В., „Международная тематика на страницах сибирских официальных газет (вторая половина XIX – начало XX в.)“, в сборнике: *Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте: Материалы Международной научно-практической конференции, 15–17 октября 2014 г.* (отв. ред. О. И. Лепилкина, С. В. Серебрякова), Издательство СКФУ, Ставрополь, 2014, стр. 218–222.

В. Ф. Блохин

**СПОЉНОПОЛИТИЧКИ ПРОБЛЕМИ
СЕДАМДЕСЕТИХ И ОСАМДЕСЕТИХ
ГОДИНА XIX ВЕКА ПРЕМА ТУМАЧЕЊУ
РУСКЕ ШТАМПЕ
(ПРЕДМЕТИ ДИСКУСИЈЕ)**

Резиме

У раду се разматра формирање јавног мњења о раду Министарства спољних послова и о односима Русије према према различитим државама током седамдесетих и осамдесетих година XIX века. Разматрање се заснива на цензурисаним дискусијама о спољнополитичким питањима везаним за европску политику и чланака, који су добили цензорске казне због осветљавања различитих проблема из области међународних односа. Посебна пажња посвећује се чланцима словенофила Ивана Аксакова, који показују неодређеност и произвољност спровођења цензуре, као и колебања Главне управе за штампу на шта су утицали положај одређеног гласила, политички статус издавача и његова блискост двору.

Кључне речи: приступи проучавању руске спољне политике, цензура, цензорско законодавство, цензорске казне, периодика, Министарство унутрашњих послова, Главна управа за штампу, публицистика.

* Овај рад је примљен 15. јуна 2017. године а прихваћен за штампу на састанку Редакције 4. септембра 2017. године.